

Breu Walter
Universität Konstanz
Konstanz, Deutschland

Судьба местного падежа в трех говорах молизско- славянского микроязыка (под влиянием итальянского языка)

Южнославянские языки – молизско-славянский микроязык – совпадение падежей – языковой контакт – адвербиализация – диалектология – локатив

1. Введение

Настоящее исследование посвящено особенностям развития унаследованного местного падежа (локатива) в языке славянского меньшинства южно-итальянского региона Молизе, в последующем называемом молизскославянский (микро)язык, сокр. МСЯ.¹ На протяжении вот уже 500 лет этот южнославянский микроязык находится в интенсивном языковом контакте с романскими диалектами, в основном с молизанским диалектом, и уже в течение приблизительно 150-ти лет — с итальянским литературным языком. В настоящее время, вследствие поголовного двуязычия носителей

1 За исключением некоторых уточнений, данная статья основывается на более обширной немецкой версии (Breu 2008a), в которой, однако, основную роль играло теоретическое описание изменений в системе категории падежа вследствие преобразования местного с помощью формализованных диахронических правил.

языка, контакт с итальянским языком можно назвать «абсолютным (тотальным) языковым контактом». Как видно по икавско-штокавской основе языка, а также другим унаследованным языковым особенностям, предки молизских славян, с наибольшей вероятностью, прибыли из далматинско-герцеговинского материкового региона, расположенного западнее реки Неретва. Ближайшим родственным языком МСЯ, генетически относящегося к диалектному континууму сербохорватского языка (боснийский-сербский-хорватский = БСХ), является хорватский литературный язык. Вследствие длительного столетиями языкового контакта, молизскославянский стал «отстоящим языком под чужим языком-крышей». В настоящее время он употребляется только в трех деревнях, в **Аквавиве** (итал. *Acquaviva Collecroce*), **Монтемитро** (итал. *Montemitro*) и **Сан Феличе** (итал. *San Felice del Molise*), далее в тексте сокр. АК, ММ, СФ. Местные наименования: *Kruč*, *Mundimitar*, *Filič*. В Сан Феличе, правда, осталось совсем немного носителей языка.²

1-1. Общая характеристика молизско-славянского языка

Как известно, молизско-славянский микроязык в целом характеризуется двумя главными критериями икавизма (напр. *dvi* ≠ *dve*, *dvije*) и штоканья (*što?* ≠ *ča?*, *kaj?*). В звуковой области необходимо особо упомянуть вокализирование *l* > *a* (≠ *o* в БСХ), напр., **nosil* > **nosia* > *nosija* или **rekal* > **rekaa* > *rekā* (≠ БСХ *nosio*, *reka*o).

В именной системе следует назвать утрату среднего рода как категории существительного под романским влиянием, в то время как он сохранился у субстантивированных прилагательных и наречий, а также исчезновение женского *i*-склонения. В итоге возникает двойная система склонения, определяемая родом, без учета фонетически или лексически обусловленных вариантов окончаний в им. и вин. падежах единственного и множественного числа (Брой 2013). В отличие от БСХ, молизско-славянский обладает грамматикализированным неопределенным артиклем (Breu 2008б).

² Об исторической ситуации молизских славян можно узнать из классического труда (Rešetar 1911), о лингвистической аргументации по поводу их прародины ср. также Ivić (1958: 248–269). Демографическое развитие в молизско-славянских селах с 1861 г. представлено в Breu (2017б: 204–205).

В глагольной системе МСЯ, под сильным влиянием итальянского языка, выделяется не имеющей аналога в стандартных славянских языках, оппозицией перфекта и имперфекта (при одновременном отсутствии аориста). Имперфект, в отличие от БСХ, образуется также от глаголов совершенного вида и, кроме того, выполняет модальную функцию ирреальности (Брой 2014). К этому следует добавить новое разграничение двух граммем будущего времени, характеризующихся модальностью, а именно, будущее вероятности, образующееся с помощью вспомогательного глагола *хотеть* и будущее необходимости, образующееся с вспомогательным глаголом *иметь*. Такое же различие встречается и в новообразованном «будущем в прошедшем». И наконец, необходимо отметить образование плюсквамперфекта с помощью грамматических частиц, добавленных к перфекту.³

В области синтаксиса следует назвать проклитики и энклитики, которые, по аналогии с итальянским, непосредственно примыкают к глаголу, в отличие от позиции «на втором месте в предложении», свойственной БСХ, а также постпозицию прилагательных (за существительными), например, *žena stara* ‘старая жена’ (Breu в печати).

1-2. Внутренняя дифференциация

Каждое молізско-славянское село обладает своим собственным говором. Между ними наблюдаются различия на всех языковых уровнях. В области лексики они касаются как унаследованного состава, так и заимствований.⁴ Часто различия состоят в том, что в лексическом составе одного говора сохраняется исконно славянское

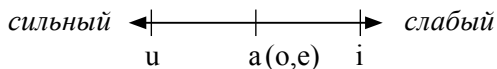
³ Об этих и целом ряде других грамматических особенностей, возникших под влиянием языкового контакта, и, в том числе, об их диалектальных различиях, ср. также Breu (2017a: 16–72). Об особенностях говора Монтемитро осведомляет, кроме того, Sammartino (2004). О новейших тенденциях в только что возникшей собственно молізско-славянской литературе ср. Breu (2017b), а о прежних письменных попытках ср. Дуличенко (2003: 128–177) и Breu (2018).

⁴ О лексике говора Аквавивы ср. Breu, Piccoli (2000), о лексике Монтемитро ср. Piccoli, Sammartino (2000). О роли заимствований во всех трех говорах ср. Breu (2017a: 67–71).

слово, в то время как другие говоры заменяют его заимствованным. В этой связи местные приписывают особенную консервативность говору самого маленького села ММ. Необходимо, однако, заметить, что такие типичные заимствования в ММ, как *galo* ‘петух’, *skrivit* ‘писать’, *tarela* ‘дедушка’ не употребляется в селе АК. Этим словам соответствуют в говоре АК исконные славянские понятия *pivac*, *pisat* и *did*. Далее, для ‘рот’ в АК встречается только славянское существительное *usta*, в ММ, тем временем, в этом значении употребляется *gvandža*, которое хотя и существует в АК, но означает здесь ‘щека’, так же, как и его итальянская модель *guancia*. И наоборот, ‘отец’ обозначается в ММ и СФ исконно славянским *otac*, устаревшим в АК, где употребляют только *tata*. Среди слов, схожих по звучанию, но имеющих разные значения, можно назвать, напр., *bak*, которое обозначает в АК только ‘бык’, а в ММ, наряду с этим понятием (а в представлении жителей Аквавивы — исключительно), оно обозначает ‘незрелый фрукт, помидор’, а также — ‘свинья’ (Piccoli, Sammartino 2000: 7), или *kaša*, которое в АК имеет значение ‘земля, глобус’, а в СФ и ММ — ‘грязь’.

В звуковой области говор деревни Монтемитро характеризуется сохранением изначального качества гласных, в то время как для Аквавивы и Сан Феличе, в особенности в безударных конечных слогах, характерно «молизскославянское аканье», т.е. понижение безударных кратких гласных *e* и *o* до *a*. Кроме того, все безударные изначально краткие гласные обоих говоров перешли в абсолютном конце слова в глухие шепотные гласные, имеющие тенденцию к выпадению различной степени выраженности, как видно по следующей «шкале устойчивости».

Шкала устойчивости гласных:

В соответствии с этой шкалой, шепотное *u* сохраняется в большинстве случаев, в то время как для шепотных невысоких гласных свойственна тенденция к выпадению.

Выявляются, например, следующие различия в произношении: *sundze* ‘солнце’, *guvno* ‘гумно’ (ММ) в сравнении с *sundza*, *guvna* (АК, СФ) с шепотным гласным *a* или *je rivalo* ‘оно прибыло’ (ММ) в сравнении с *je rivala* (АК, СФ). Историческое краткое *i* всегда выпадает на абсолютном конце слова в говорах АК и ММ, в то время как в СФ оно факультативно сохраняется. Таким образом, выявляется, например, следующая тройная оппозиция с признаками [+аканье] и [+i]: *sma kupil* ‘мы купили’ (АК): *sma kupil* (ММ): *sma kupil(i)* (СФ).

Для системы падежей говора ММ характерно выпадение первоначального гласного *-i* у существительных ж. рода в дат. падеже ед. числа, напр., *žen* (< *ženi*) ‘жена’ дат. ед., а в СФ всё ещё слышится *ženi*. В Аквавиве употребляется форма *ženi* дат. ед., которая происходит от формы винительного падежа (см. ниже).⁵ В синтаксическом контексте появление изначального *-i* возможно во всех говорах, а именно, если оно, вследствие присоединения клитики, больше не находится на абсолютном конце слова, ср., напр., в говоре АК: *kū p* (< *kū pi*) ‘купи!’, но *kū pi-ga* ‘купи его!’.⁶

Среди морфологических различий в глагольной системе трех говоров следует назвать, напр., часто используемый в ММ для образования вторичного несовершенного вида суффикс *-ilja-*. В СФ он употребляется реже, а в АК появляется исключительно *-iva-*, напр., *vamiljat* (ММ) ‘брат’: *vamivat* (АК, СФ). В качестве частицы для образования плюсквамперфекта в АК употребляется *bi*, в ММ *ba* и в СФ вариативно *bi ~ be ~ ba*, напр.: *ja sa bi poša* (АК), *ja se ~ si ba poša* (ММ), *ja sa bi ~ be ~ ba poša* (СФ) ‘я [уже до того] пошел’. Из этого примера видно, что в ММ 1-ое лицо ед. числа вспомогатель-

5 Строго говоря, вин. и дат. падежи ед. числа *ženi* звучит в АК как *žē'ni* с факультативным шепотным гласным на конце слова, долгим ударным гласным и восходящей интонацией, а соответствующий им. падеж *žena* — как *žē'na*. Но для морфологических исследований в области местного падежа достаточна упрощенная запись, представленная в последующих примерах, без указания просодии, а также шепотного произношения. Аканье, напротив, будет учитываться, так как оно важно для дальнейшей аргументации.

6 О синхронном описании фонетики говора Аквавивы ср. Breu, Piccoli (2000: 385–389), Breu (2017a: 16–21); об историческом развитии фонологической системы ср. Breu (1999).

ного глагола *bit* ‘быть’ может вариативно звучать *se* или *si* (совпадая по форме со 2-ым лицом!), в то время как в обоих других говорах употребляется *sa* (<*sam*). Наконец, следует еще указать на то, что супплетивные формы превосходной степени в ММ и СФ образуются при помощи приставки *naz-*, а в АК — *na-*, напр., *nazbolji* ‘самый лучший, наилучший’ (ММ, СФ): *nabolji* (АК) (ср. БСХ *najbolji*). Существенным здесь оказывается то, что в ММ превосходную степень продуктивного аналитического способа образования совершенно невозможно отличить от сравнительной степени, так как в этом говоре отсутствует градуирующее наречие превосходной степени, соответствующее наречию *naveče* ‘более всего’, которое все еще употребляется в АК. Итак, в АК можно различить между *veća lipi* ‘красивее’ и *naveče lipi* ‘самый красивый’, в то время как в ММ для обоих вариантов существует только конструкция *veće lipi*.⁷

2. Местный падеж в молиско-славянском праязыке

Местный падеж является граммемой, сохранившейся почти во всех славянских языках. Что касается литературных языков, то его полное исчезновение наблюдается только в балканославянских языках, где он пропал в рамках исчезновения всей системы падежей существительного. Даже в серболужицких языках местный падеж хорошо сохранился, в том числе в разговорной разновидности верхнелужицкого языка, несмотря на его отсутствие в контактном немецком языке (Scholze 2008: 76–77). Ввиду того, что во всех литературных языках местный падеж употребляется исключительно с предлогами, эта консервативность, безусловно, связана с тем фактом, что он, как форма управляемая этими предлогами, в некотором роде, «окаменел».

В таблице 1 показана реконструированная полная система падежей молиско-славянского праязыка (за исключением звательного) того времени, когда местный являлся еще продуктивным падежом. При этом считается, что тогда еще не было диалектальных различий

⁷ О системе степеней сравнения в АК под влиянием языкового контакта ср. Breu (2009).

в системе падежей. Примерами послужат существительные *grad* ‘деревня, местность’ м., *put* ‘улица, дорога’ м. (особенное мн. число на *-e*), *misto* ‘место’ м. (существительное бывшего ср. рода) и *glava* ‘голова’ ж. рода. В связи с дальнейшим развитием местного падежа интересна будет только выделенная серым часть падежей, а именно: дательного, винительного и местного (локатива).⁸

*	ед. число мужского рода	ед. число женского рода	мн. число всех родов, главные окончания
им.	<i>grad, put, misto</i>	<i>glava</i>	<i>gradā, pute, mistā, glave</i>
род.	<i>grada, puta, mista</i>	<i>glavē</i>	<i>gradī, putī, mistī, glavamī</i>
дат.	<i>gradu, putu, mistu</i>	<i>glavi</i>	<i>gradī, putī, mistī, glavamī</i>
вин.	<i>grad, put, mista</i>	<i>glavu</i>	<i>gradā, pute, mistā, glave</i>
твор.	<i>gradem, putem, mistem</i>	<i>glavōm</i>	<i>gradī, putī, mistī, glavamī</i>
мест.	<i>gradu, putu, mistu</i>	<i>glavi</i>	<i>gradī, putī, mistī, glavamī</i>

Таблица 1: Реконструкция системы падежей «прамолизско-славянского»

3. Выражение функций местного падежа в молизско-славянском

Устойчивость местного падежа объясняется в особенности тем, что он употребляется с предлогами, для которых характерно двойное управление, служащее для различения выражения местоположения, в дальнейшем упрощенно называемое «местом», от выражения

⁸ Хотя и в данной таблице окончания дательного и местного падежей совпадают, но необходимо предположить наличие формальной оппозиции между этими падежами на основе просодических средств выражения так же, как и в современном БСХ, в примерах типа *hlādu: hlādu* ‘тень’ дат. ед. м.: местн., *zīdu: zīdu* ‘стена’ дат. ед. м.: местн. Об общей исторической ситуации склонения сербохорватского до эмиграции молизских славян ср. Svane (1958: 25–84). В противоположность интонации в таблице 2 учитывается оппозиция долготы, так как длинные гласные в дальнейшем развитии ни в каком говоре МСЯ не подвергаются аканью.

движения к месту, в дальнейшем упрощенно называемого «направлением». В первую очередь это касается управления праславянских предлогов **vъ(n)* и **na*, как в оппозиции предложного (= местного) и винительного падежей в русском языке в примерах (1) и (2):

(1) *Иван был в школе.* (место) ≠ *Иван пошел в школу.* (направление)

(2) *Иван лежал на диване.* (место) ≠ *Иван лег на диван.* (направление)

Исключениями из этого правила являются, наряду со славянскими языками балканского типа, болгарским и македонским, также и некоторые сербохорватские диалекты, независимо от того, существует ли у них еще система падежей (зетско-рашки) или была утрачена (торлакский).⁹ С другой стороны, хорватский литературный язык и большинство его диалектов ведут себя как русский язык. Однако в близко родственном молиско-славянском языке осуществилась полная утрата оппозиции между указаниями места и направления. Причиной этой утраты является контакт с итальянским языком и его диалектами, в которых выражение места и направления совпадают, ср., например, *in Italia* 'в Италии = в Италию'.

В сегодняшнем МСЯ, бывший местный падеж (локатив) функционально так сильно изменился, что, собственно говоря, больше не соответствует этому названию. Но по историческим причинам в настоящем исследовании мы будем все же употреблять термин «локатив», хотя и в кавычках, когда речь идет о падеже управления предлогов *и* (< **vъ*) и *na* в современных молиско-славянских говорах.¹⁰

⁹ Ср., напр., Ivić (1958: 125–216), Rešetar (1907: 212). Надо отметить также, что у Zima (1887: 231–241) в старом говоре Дубровника и за его пределами с предлогами *и* и *na* встречаются случаи употребления винительного падежа вместо местного, но и наоборот, местного вместо винительного. Таким образом, можно предположить, пожалуй, некоторое ослабление оппозиции в части сербохорватского континуума ко времени переселения, в числе в говорах прибрежных районов, но ни в коем случае не возможность полной ее утраты различия уже на первоначальной герцеговинской родине молиских славян.

¹⁰ Безусловно, было бы также возможно ввести более точное название типа «аллатив-локатив», чтобы не перепутать его с истинным славянским локативом (местным падежом). Несмотря на омонимию указаний места и направления в этой форме, грамматика (Sammartino 2004), основанная

3-1. Управление предлогов **u** и **na** в говоре Аквавивы

3-1-1. Единственное число существительных мужского рода

На примерах в (3) и (4) из говора Аквавивы с помощью «минимальных оппозиций» одного и того же существительного продемонстрировано упомянутое совпадение места (3а, 4а) и направления (3б, 4б) в управлении обоих предлогов при существительных мужского рода без определения:¹¹

(3а) *U grad tuna jimahu jena sopranom.* (вин. ед. м. место)
'В деревне у всех было прозвище.'

(3б) *Aje si sa vrnija jora oda u grad?* (вин. ед. м. направление)
'Почему ты снова вернулся сюда в деревню?'

(4а) *Ovu ženu ju gređaša jiskat na Filič o na Mundimtar.* (вин. ед. м. место)
'Эту женщину он пошел искать в Сан Феличе или в Монтемитро.'

(4б) *Priji dan ka je poša na Mundimtar...* (вин. ед. м. направление)
'В первый день, когда он пошел в Монтемитро...'

Во всех примерах представлена форма винительного падежа ед. числа с нулевым окончанием, обычным для существительных, оканчивающихся на согласный, как большинство исконных существительных м. рода и бывших существительных ср. рода (*ср.), не сохранивших их изначальное вокалическое окончание.¹² Но и во

на говоре Монтемитро, использует термин *locativo* (без кавычек), что, ожидаемо, приводит к несколько противоречивым утверждениям, напр. «Il locativo individua una collocazione nello spazio e nel tempo» (Местный падеж обозначает расположение в пространстве и времени; с. 159) ≠ «Le preposizioni **u** e **na** che reggono il locativo, non distinguono lo stato in luogo e il moto a luogo». (Предлоги **u** и **na**, управляющие местным падежом, не различают местоположение и движение к месту; с. 131).

¹¹ Примеры в этой статье взяты, большей частью, из записанных устных текстов, ср. Adamou и др. (2013), Breu, Piccoli (2011/12) и Breu (2017а), или из литературных произведений, ср. перечисление в Breu (2017б). Кроме того, некоторые из них приводятся из дискуссий с носителями языка.

¹² Вокалическое окончание исчезло, например, у существительного бывшего ср., а теперь м. рода *mor* (< *more*) 'море'. Совпадение указаний места и направления в винительном падеже показывает здесь следующая оппозиция примеров: *U mor jesu ribe* 'В море есть рыбы' (вин. ед. м. *ср. место): *Ja učer sa poša u mor* 'Я вчера поехал на море' (вин. ед. м. направление).

всех других случаях существительные м. рода употребляют форму винительного падежа для указания места и направления. Ср., напр., бывшие существительные ж. рода исконного *i*-склонения, вторично перешедшие в категорию существительных мужского рода по модели их итальянских эквивалентов как *peč* м. (< **pečь* ж.) ‘печь, пекарня’ (итал. *forno* м.) в (5а). То же самое происходит и в случаях вокалического окончания, возникшего вследствие нормативного выпадения согласного *l* в конце слова, как у *vrtla* ‘сад’ (род. ед. *vrtla*) в (5б), и бывших существительных ср. рода, перешедших в м. род, но сохранивших свое изначальное вокалическое окончание [Брой 2013: 96]. При этом в АК действует правило аканья *-o, -e > -a*; ср. указание места (5в) *mista* м. (< **město* ср.) и указание направления (5г) *grla* м. (< **grlo* ср.):

- (5а) *Sir friški kuhan u peč utra povaču biša na stvara ka ne bi zabija maj.* (вин. ед. м. направление)
 ‘Свежий сыр, запеченный в печи в пище, был тем, что он никогда бы не забыл.’
- (5б) *Ga držahu u vrta, utra na rečind.* (вин. ед. м. место)
 ‘Они держали его в саду, в заборе (= в огороженном месте).’
- (5в) *Mahu stat na mista.* (вин. ед. м. *ср. место)
 ‘Они должны были оставаться на месте.’
- (5г) *Medik mu sluša pulac, mu gleda u grla.* (вин. ед. м. *ср. направление)
 ‘Врач слушает ему пульс, смотрит ему в горло.’

В фонологическом отношении интересен ряд звуковых особенностей, указывающих на особо тесную связь между предлогом *u* и отдельными существительными. Для них характерен переход ударения на предлог, как в *u-žap* ‘в кармане ~ в карман’, напр., при определении места в (6), наряду с *u žep* с ударением на существительном. В случае, если корень существительного начинается с гласного *-o*, вставляется согласный *-j-* как, напр., *u-jac* ‘в глазу ~ в глаз’ (< *u oč*), *u-jaganj* ‘в огне ~ в огонь’ (< *u oganj*). Во всех этих случаях неударные *o* и *e* под влиянием аканья, конечно, превращаются в *a*.

- (6) *On jimaša nož u-žap. ~ u žep* (вин. ед. м. место)
 ‘У него был нож в кармане.’

Добавление определения к существительным м. рода, также не ведет к изменению управления вин. падежом; ср. примеры в (7).

- (7а) *Biša nu votu na jena grad nadugi... na pigurar.* (вин. ед. м. атриб. место)
 ‘Жил-был однажды в одной далекой деревне... пастух.’
- (7б) *Nebišaga vrima za snit na ovi sfit naka trdi.* (вин. ед. м. атриб. место)
 ‘Не было времени для того, чтобы мечтать в этом жестоком мире.’
- (7в) *Ono ka sa rabi čuda na vi grad je za či žita.* (вин. ед. м. атриб. место)
 ‘Над чем в этой деревне много работают, это над продукцией пшеницы.’

Во фразеологических сочетаниях адвербиального характера некоторые существительные все еще употребляются в форме бывшего местного падежа, напр., *put* ‘улица, дорога’ в (8а); непродуктивный способ образования обозначен здесь и ниже с помощью дефиса. Дословный перевод в (8а) точно передает значение направления, несмотря на окончание *-u* исконного местного падежа. Указание места лежит в основе устойчивого выражения в (8б). При указании на реально существующую улицу, как в (8в), используется нормативная форма винительного падежа.¹³

- (8а) *Je ma vrga na-putu.* (ед. м. адв.)
 ‘Он мне очень помог советом.’ Дословно: «Он посадил меня на дорогу»
- (8б) *Ja ta čekam na-putu.* (ед. м. адв.)
 ‘Я подожду тебя на улице.’
- (8в) *Na put su čil fose.* (вин. ед. м. место)
 ‘На улице наделали канав.’

Некоторые носители языка иногда употребляют фразеологическое словосочетание с окончанием бывшего местного падежа и у бывших существительных ср. рода; ср. *na-sundzu* ‘на солнце’ наряду со значительно чаще встречающимся вин. падежом *na sundza*. Особенно интересна форма обстоятельства *naramu* ‘на плече’ в (9) с окончанием бывшего ср. рода, которая ввиду исчезновения лежащего в его основе существительного ср. рода (ср. БСХ *rame* ‘плечо’), не поддается синхронному анализу и поэтому пишется слитно.

¹³ Rešetar (1911: 190) фиксирует «устойчивую формулу» *pri ógñi* ‘при огне’, которая, как и сам предлог *pri*, больше не существует.

- (9) *Šuma je teška naramu.*
 ‘Хворост тяжелый на плече.’

Во всех случаях употребления старой формы местного падежа во фразеологических оборотах добавление определений принципиально невозможно.

3-1-2. Единственное число существительных женского рода

Представленные отношения у существительных м. рода, в принципе, также применимы и к существительным ж. рода, что в свою очередь будет показано с помощью двух пар предложений с обоими предлогами, находящимися практически в минимальной оппозиции относительно указания места и направления. Они равным образом требуют винительного падежа; ср. существительные ж. рода *postalja* ‘постель, кровать’ в (10) и *funaštra* ‘окно’ в (11).

- (10a) *Alor, aje stojiš u postalju?* (вин. ед. ж. место)
 ‘Вот, почему ты [находишься] в кровати?’
- (10б) *Sa pošā, sa sa vrga u postalju di moja nona.* (вин. ед. ж. направление)
 ‘Я пошел, улегся в кровать у моей бабушки.’
- (11a) *Što činiš tota na funaštru?* (вин. ед. ж. место)
 ‘Что ты делаешь там у окна?’
- (11б) *Je pola sa vrč na funaštru.* (вин. ед. ж. направление)
 ‘Она пошла, чтобы встать у окна.’

Добавление определений также не приводит к изменениям, как показано в следующих примерах с тем же окончанием вин. падежа *-u*:

- (12a) *Sfiraša veramend na jenu maneru lipu.* (вин. ед. ж. атриб. место)
 ‘Он играл (= музицировал) действительно прекрасным образом.’
- (12б) *Nonda riva pošta, pa tam po na drugu banu.* (вин. ед. ж. атриб. направление)
 ‘Туда прибывает автобус, затем я должен переходить на другое место.’
- (12в) *U crikvu žene sidahu na jenu banu e ljuda na drugu.* (вин. ед. ж. атриб. место)
 ‘В церкви женщины сидели на одной стороне, а мужчины — на другой.’

Для сравнения с положением в ММ следует заранее указать на то, что и такие существительные как *misa* ‘месса’ или *voda* ‘вода’, управляемые предлогами *u* и *na* как в (13а–г), всегда имеют окон-

чание *-u*. Формальное совпадение с винительным падежом непосредственно распознается в (13б), где *misu* во втором предложении этого примера является прямым дополнением. (дословно: «мессу, в который час ее говорят?») В (13в) показано параллельное поведение форм управления существительных *crikva* и *misa* в АК (в противоположность ММ; см. ниже):

(13а) *Di je Marija? Ju moraš nakj na misu.* (вин. ед. ж. место)

‘Где Мария? Ты можешь найти ее на мессе.’

(13б) *Nelju jistru greš na misu ti? Misu ki uru ju govaru?* (вин. ед. ж. направление)

‘Ты пойдешь на мессу в воскресенье утром? Когда состоится месса?’

(13в) *Je pola jopa u crikvu na misu.* (вин. ед. ж. направление)

‘Она снова пошла в церковь, на мессу.’

(13г) *Divojka gredaša na vodu, na fundu.* (вин. ед. ж. направление)

‘Девочка пошла к воде (= набрать воды), к колодцу.’

Название языка *na-našu* «молизско-славянский» в адвербиальной функции следует также причислить к области «локатива», в смысле управления предлога *na*. В этом случае можно предположить, что речь идет об эллиптической конструкции с утраченным существительным ж. рода *manera* ‘вид, способ’; ср. также *na jenu maneru* в (12а). И здесь мы имеем дело со стандартным замещением местного винительным падежом.

(14) *Sa nikor več ta pita na-našu (maneru).* (вин. ед. ж. адв.)

‘Теперь тебя больше никто не спрашивает по-молизско-славянски.’

Дословно: «на молизско-славянский (способ)»

В выбранном здесь изложении, положение у существительных мужского и женского родов кажется параллельным. Но до сих пор не был учтен важный факт, согласно которому — как упоминалось во введении — в говоре Аквавивы дат. падеж ед. числа существительных ж. рода формально совпадает с винительным и имеет окончание *-u*. Поэтому у существительных ж. рода можно было бы с тем же основанием предположить управление дательным падежом вместо постулируемого управления винительным. Это, на первый взгляд, абсурдное предположение можно было бы обосновать внутридиалектно, а именно поведением «локатива» у существительных ж. рода в говоре ММ, см. ниже.

Ввиду формального совпадения винительного и дательного (исторически омонимичного местному) падежей у существительных ж. рода в Аквавиве в форме *-u*, неудивительно, что в этом говоре, по-видимому, отсутствуют фразеологические реликты с особой формой местного падежа существительных ж. рода. В текстах был, однако, зафиксирован единичный случай окаменения формы дательного-местного *a*-склонения, а именно, не формы с *-u*, а с первоначальным нулевым окончанием, возникшим вследствие исчезновения конечного *-i > Ø*. В синхронии эта форма полностью изолирована:

(15) *Mu gre naruk.* (< *na *ruki* < *na *ruci*)

‘Ему это идет на пользу.’ Дословно: «Ему идет на руке»

3-1-3. Множественное число обоих родов

Во множественном числе молизско-славянского языка отсутствует согласование по роду. Несмотря на то, что род отдельных существительных ед. числа, а также предпочтение определенных окончаний при склонении могут способствовать появлению вторичных морфологических отражений рода, сама эта морфосинтаксическая категория во мн. числе не существует, также как, напр., в русском и в отличие от БСХ. Поэтому учитывать отражения родовой дифференциации при описании отношений «локатива» ни в одном из трех говоров не имеет смысла. В частности, характерные окончания *-ami* и *-i*, которые можно было бы приписать бывшему местному падежу (совпадающие с окончаниями творительного и дательного падежей),¹⁴ могут возникать в обоих родах. В винительном падеже окончание *-a* ограничивается м. родом, в то время как *-e* встречается в обоих родах. В отличие от ед. числа ж. рода оба окончания здесь отличаются от окончаний дательного падежа. Таким образом, во мн. числе, в целом, не возникает проблем толкования, связанных с родом.

В примерах (16) продемонстрировано совпадение падежных форм, выражающих с помощью предлогов *u* и *na* указания места и направления, в форме винительного падежа также и во мн. числе. Ср. (16а–в) с существительными без определений, включая суще-

14 Изначально *-ami*, конечно, являлся окончанием творительного падежа *a*-склонения, которое распространилось на дательный и местный падежи.

ствительное плюралия тантум *usta* ‘рот’, в котором вновь появляется инфиксация согласного *-j-* в хиатусе, и *Bošča* ‘рождество’, и (16г–д) — с определениями:

(16а) *Sinoč sa poša na vrtla a sa naša ružice.* (вин. мн. направление)
 ‘Вчера вечером я пошел в сады и нашел розы.’

(16б) *Pa tu gleda u-justa e tu čini arčetu.* (вин. мн. направление)
 ‘Потом он смотрит ему в рот и выписывает ему рецепт.’

(16в) *Na Bošča sa jidu frite.* (вин. мн. место)
 ‘На рождество едят испеченное.’

(16г) *Na ove ruke je proša čuda tega.* (вин. мн. место)
 ‘В этих руках (= через эти руки) прошло много работы.’

(16д) *Na ove pute jesu stine.* (вин. мн. место)
 ‘На этих улицах камни.’

Во мн. числе существительные с окончанием *-ami* встречаются в качестве фразеологических реликтов, которые, также как и формальные пережитки местного падежа ед. числа м. рода, с синхронической точки зрения можно отнести и к дательному падежу; ср. (17). Они таким же образом носят адвербиальный характер.

(17а) *Su si ga bižal tuna na-nogami.* (мн. адв.)
 ‘Они все убежали на своих двоих.’ Дословно: «на ногах»

(17б) *Maša treskat na-rukami?* (мн. адв.)
 ‘Ты должен был молотить вручную?’ Дословно: «на руках»

3-1-4. Обзор форм управления предлогов *u* и *na* в Аквавиве

В заключении будут обобщенно представлены формы «локатива» в говоре Аквавивы в виде таблицы. Этот обзор еще раз ясно показывает, что регулярные формы управления обоих предлогов в АК всегда совпадают с винительным падежом, независимо от того, имеем ли мы дело с указанием места или направления.¹⁵ Фразеоло-

¹⁵ Здесь не принимаются во внимание указания места, образованные при помощи творительного падежа, как, напр., *putam* тв. ед. ‘по улице’, *škalam* тв. мн. ‘по лестнице’. Они выражают движение по поверхности и могут приравниваться к итальянским оборотам с локальным предлогом *per*; ср. *grem putam* = *vado per la strada* ‘я иду по улице’ или *sa sa skinija škalam* = *sono sceso per le scale* ‘я спустился вниз по лестнице’.

гические пережитки чаще всего синхронно совпадают с дательным падежом. Только форма *naruk*, представляющая собой последний формальный пережиток изначального местного падежа *a*-склонения, выпадает из системы, и должна быть отнесена к неразделимым наречиям.

	ед. число м. рода	ед. число ж. рода	мн. число всех родов
дат.	<i>gradu, putu, mistu</i>	<i>glavu, ruku</i>	<i>gradi, puti, misti, glava-mi, rukami</i>
вин.	<i>grad, put, mista</i>	<i>glavu, ruku</i>	<i>grada, pute, mista, glave, ruke</i>
*ЛОКАТИВ		<i>(naruk)</i>	
⇒ вин.	<i>na grad, mista, put</i>	<i>na glavu, ruku</i> (вин. =дат.)	<i>na grada, pute, mista, glave, ruke</i>
⇒ дат.	<i>na-putu</i>		<i>na-rukami</i>

Таблица 2: Противопоставление падежей в Аквавиве

3-2. Управление предлогов *u* и *na* в Сан Феличе

В Сан Феличе определения места и направления, управляемые предлогами *u* и *na* выражаются, так же как и в Аквавиве, при помощи винительного падежа. Приведем в (18а–й) несколько примеров для иллюстрации употребления, а именно в (18а–в) ед. число м. рода, в (18г–е) ед. число ж. рода, в (18ж–з) мн. число и в (18и–й) остатки бывшего местного падежа ед. и мн. чисел в адвербиальном употреблении.

(18а) *Sa si kupija pur pošt na kamisand.* (вин. ед. м. место)

‘Я купил себе также место на кладбище.’

(18б) *Sa hi činu u peč.* (вин. ед. м. место)

‘Теперь они делают их в печи.’

(18в) *Parparahma doma, jijahma u peč.* (вин. ед. м. направление)

‘Мы приготавливали (их) дома, ходили в пекарню.’

(18г) *Ma ostanahu di masarija, u postalju.* (вин. ед. ж. место)

‘Они меня оставляли на ферме, в кровати.’

- (18д) *Mahma po saku jistru na misu.* (вин.ед. ж. направление)
'Мы должны были каждое утро ходить на мессу.'
- (18е) *Ka bitaš na jenu banu, tuna tvoje stvare jimaš oda. Ti, za po na drugu banu, maš jami tuna!* (вин. ед. ж. атрибу., 1: место — 2: направление)
'Когда ты живешь на одном месте, все твои вещи тут. Ты, для того чтобы пойти на другое место, должен все отнять.'
- (18ж) *Ma jesu čuda ka pa jimaju pur na druge bane.* (вин. мн. место)
'Но есть многие, которые также имеют (газ) в других местах.'
- (18з) *Čekaša so ka ona maša verč na pumadora.* (вин. мн. направление)
'Она ждала соль, которую она должна была положить в помидоры.'
- (18и) *Mbača dicov malih, njim kjkjarijam na-našu.* (ед. ж. адв.)
'С маленькими детьми, [им] я говорю по-молизско-славянски.'
- (18й) *Prije da lu-čingvanda sa treskaša još na-nogami.* (мн. адв.)
'До 1950 молотили еще ногами.' Дословно: «на ногах»

Вместо таблицы с собственной парадигмой для СФ, из-за полного совпадения продуктивного выражения места и направления в форме винительного падежа, можно ограничиться указанием на приведенную выше таблицу 2 для АК. Однако надо обратить внимание на то, что в СФ — как упоминалось выше — сохранилась первичная форма на *-i* в дат. падеже ед. числа типа *glavi, ruki*, которая никогда не выражает функцию «локатива».

3-3. Управление предлогов *u* и *na* в Монтемитро

В то время как в АК и СФ происходит систематическое замещение бывшего местного падежа винительным падежом, за исключением определенных адвербиальных пережитков, ситуация в говоре Монтемитро выглядит намного сложнее. Однако и здесь также отсутствует местный падеж в первоначальном смысле, т.е. как самостоятельный падеж для выражения статичного определения места, так как мы вновь имеем дело с полным формальным совпадением указаний места и направления при управлении предлогов *u* и *na*, вызванным языковым контактом с итальянским.

3-3-1. Единственное число мужского рода

У существительных м. рода в ММ мы в обоих случаях обнаруживаем стандартное требование винительного падежа. Приведем сначала

некоторые примеры с нулевым окончанием винительного падежа в его первоначальной функции указания направления (19а–ж). Среди них в (19в) вновь приведено мужское существительное *peč* ‘печь’ бывшего *i*-склонения ж. рода. Из-за отсутствия аканья в говоре ММ те бывшие существительные ср. рода, которые не утратили своего окончания винительного (и именительного) падежа при переходе к м. роду, сохранили первоначальное качество соответствующего гласного, ср. *grlo* в (19д) и *tršje* в (19е). Сюда также относится более не поддающаяся синхронному анализу адвербиальная форма *narame* в (19ж), которая в противоположность указанной выше для АК форме *naramu* образует именно нормальный винительный падеж.¹⁶

(19а) *E su s'ga pol zdolo na most.* (вин. ед. м. направление)

‘И они пошли вниз на мост.’

(19б) *Vičeras doj s menom u grad!* (вин. ед. м. направление)

‘Сегодня вечером, приходи со мной в деревню!’

(19в) *Činahu kruh jutrim, a-li-set dža vržahu kruh u peč.* (вин. ед. м. направление)

‘Я делал хлеб утром, в 7 я уже засовывала хлеб в печь.’

(19г) *A na večer svak maše si ga pokj na njegov put.* (вин. ед. м. атриб. направление)

‘А вечером каждый должен был уйти по своей дороге.’

(19д) *Je ma rivalo propjo na grlo.* (вин. ед. м. *ср. направление)

‘Это меня совершенно взяло за горло.’

(19е) *Nije poša mang u tršje.* (вин. ед. м. *ср. направление)

‘Он также не пошел в виноградник.’

(19ж) *Maše po vazet narame e maše po vase na-nogami.* (мн. адв.)

‘Он должен был [пойти] взять (это) на плечо и должен был [пойти] забрать (это) пешком.’

С другой стороны существительные мужского рода в (20), также стоящие в винительном падеже, исполняют первоначальную функцию местного падежа указания места. Здесь мы вновь сталкиваемся

¹⁶ Обе формы двух говоров употребляются практически синонимично конструкции *na pleče* (в АК вследствие аканья *na pleča*), образованной по правилам от существительного бывшего ср., а теперь м. рода *pleče* (АК *pleča*) ‘спина, плечо, верхняя часть руки до локтя’.

в (20в), на примере *brdo*, с бывшим существительным среднего рода, сохранившим окончание *-o*, в этом случае с определением.

(20а) *Pa, je mi činilo u san kano ke je me zva otac.* (вин. ед. м. место)
'Затем мне показалось во сне, как будто бы меня позвал отец.'

(20б) *Biše u naš grad, u Mundimitar,*¹⁷ *biše jena ljud čuda boati.* (вин. ед. м. место)
'Это было в нашей деревне, в Монтемитро, это был очень богатый мужчина.'

(20в) *Šuvahno krave onamo na ni brdo.* (вин. ед. м. *ср. атриб. место)
'Мы пасли коров там на том холме.'

Однако в отличие от обеих других деревней, в ММ окончание *-o* (в других деревнях оно вследствие аканья соответствовало бы шепотному *-a*) в отдельных устойчивых (адвербиальных) конструкциях встречается также и у исконных существительных м. рода, а не только у бывших существительных ср. рода. Примерами являются *na-sfīto* — от *sfīt* 'мир' — в (21а) и *na-puto* — от *put* 'дорога, улица' — в (21б). Как показывают эти примеры, и адвербиальные формы также совпадают при указаниях места (21а) и направления (21б). Это значит, что и здесь, несмотря на особую форму, мы имеем дело не с собственным (статичным) местным падежом.

(21а) *Su grube čeljade, one, na-sfīto nimahu sišti.* (*-o* ед. м. адв. место)
'Это плохие люди, те, они не должны были бы существовать на свете.'

(21б) *Odja-mi ovo na-puto!* (*-o* ед. м. адв. направление)
'Забери это у меня на улице!' (= то, что там лежит на полу)

Окончание *-o* у истинных существительных м. рода, ограниченное говором Монтемитро, встречается только в ед. числе и только без определения. При дополнении указательного местоимения *na-puto* обязательно приняло бы форму винительного падежа, то есть, к примеру, *na ni put* 'на той улице'. Поскольку в отличие от АК и СФ

17 В словаре (Piccoli, Sammartino 2000: 26) под словом *di* встречается следующий небольшой диалог: *Di živiš? U Mundimitru.* 'Где ты живешь? В Монтемитро'. Это, по всей вероятности, опечатка, так как носители языка употребляли бы в этом случае только *u Mundimitar*. И в самом деле, в грамматике (Sammartino 2004: 131) употребляется только форма вин. падежа без окончания: *Jesu u Mundimitar* 'Я в Монтемитро'; *Grem u Mundimitar* 'Я иду в Монтемитро'.

в Монтемитро отсутствуют реликтовые адвербиальные формы на *-u*, между обоими окончаниями, пожалуй, существует какая-то взаимосвязь. В дательном падеже говора ММ соответствующие существительные м. рода оканчиваются так же, как и в обоих других говорах, а именно: *sfitu, putu*.

3-3-2. Единственное число женского рода

Существует еще одно отклонение говора Монтемитро от обоих других, а именно, в управлении предлогов *u* и *na* в ед. числе ж. рода. Как можно увидеть в (22), они имеют нулевое окончание, в отличие от винительного падежа, оканчивающегося, как в АК, так и СФ, на *-u*. Существующая и здесь омонимия при указании места и направления показана при помощи соответствующей минимальной оппозиции у существительного *rika* ‘река’ в (22б) в сравнении с (22в). Нулевое окончание соответствует форме *-i* бывшего местн. = дат. падежа ед. числа *a*-склонения, ср. БСХ *ženi* ‘жена’, *ruci* ‘рука’ ж. местн. / дат. ед., которое регулярно отпадает согласно описанной во введении шкале устойчивости конечных кратких гласных.¹⁸ Итак, в отличие от Аквививы и Сан Феличе форма бывшего местного падежа ж. рода, омонимичная дательному падежу, в Монтемитро не была заменена формой винительного падежа на *-u*.

(22а) *Optaj jutrim je ga naša na zemlj.* (*местн. = дат. ед. ж. место)
‘Снова он нашел ее (= стену) на земле.’

(22б) *Je ba pa most tamo dol na rik.* (*местн. = дат. ед. ж. место)
‘Упал [плюсквамперфект] мост там внизу на реке.’

(22в) *Mat ujahat, če ta poni dol na rik!* (*местн. = дат. ед. ж. направление)
‘Я должен сесть в седло, она (лошадь) доставит меня вниз к реке.’

Однако как показывают примеры в (23), отличающиеся по структуре от примеров в (22) наличием определения, система управления ММ еще более сложная, в том смысле, что и в ед. числе ж. рода

18 Стандартное окончание *местн. / дат. ед. ж. рода в ММ имеет единичное соответствие в АК в вышеупомянутой адвербиальной форме *naruk* ‘в пользу’ (ср. ММ *na rukØ* ‘в руке’).

(независимо от места или направления) *u* и *na* в действительности управляют винительным падежом, если управляемое существительное обладает атрибутом. При этом необходимо вспомнить, что в отличие от Аквавивы, где соответствующее окончание *-u* для вин. и дат. падежей звучит одинаково, речь здесь идет однозначно о форме вин. падежа.

(23a) *Smo pol na kambisand, na nu vručinu.* (вин. ед. ж. атриб. место)
 ‘Мы пошли на кладбище, при такой жаре.’

(23б) *Mi jimahmo drugu masariju tote zdola, na tu dzonu.* (вин. ед. ж. атрив. место)
 ‘У нас был другой двор там внизу, в той области.’

(23в) *Se dola na vu hižu novu.* (вин. ед. ж. атриб. направление)
 ‘Я пришел в этот новый дом.’

В качестве дальнейшего усложнения мы встречаем у некоторых существительных ж. рода уже обнаруженное у существительных м. рода и необъяснимое с точки зрения падежной парадигмы окончание *-o*. Примерами являются (24а) в качестве указания места и (24б) для указания направления. В противоположность ‘messe’ соответствующие указания с ‘церковью’, однако, требуют стандартной нулевой формы.

(24a) *Bihu na-miso onu poču do mrci.* (*-o* ед. ж.) ≠ *u crikv* ‘в церкви’ (*местн. / дат. ед. ж. место)
 ‘Они были на мессе [в ту] ночь мертвых.’

(24б) *Čto po na-miso.* (*-o* ед. ж.) ≠ *u crikv* ‘в церковь’ (*местн. / дат. ед. ж. направление)
 ‘Мы пойдем на мессу.’

В обоих случаях соответствующие формы *na-miso* или, соответственно, *u crikv* абсолютно устойчивы, т.е. замена окончания невозможна ни в каком направлении. Форма на *-o* представляет собой, также как и в м. роде, фразеологизированную адвербиальную форму, возможную только у сравнительно небольшого числа существительных, но являющуюся для них абсолютно обязательной. С другой стороны, существительное *glava* ‘голова’ показывает, что в принципе, у одного и того же существительного также возможны оба управления, хотя и с использованием разных предлогов;

ср. оппозицию *u-glavo: na glav* в (25). Фразеологизированная форма *u-glavo* в (25a), очевидно, относится к ‘голове’ как к абстрактному существительному в смысле ‘ума’, в то время как *na glav* в (25б) ссылается на конкретную физическую ‘голову’.

(25a) *Kada je tu dola u-glavo, je s'ga poša.* (o- ед. ж. направление)
‘Когда ему это пришло в голову, он ушел.’

(25б) *Ke je ba buška pur nu skedžu na glav.* (*местн. = дат. ед. ж. направление)
‘Так как он также получил [плюсквамперфект] в голову осколком.’

В связи с этим рассмотрим ещё раз положение в Аквавиве на примере предложения (26), в котором как *misa*, так и *crikva* употребляются в единственно возможной форме на *-u*, являющимися изначальным окончанием винительного падежа, вторично выражающим также дательный падеж. То же самое можно было бы наблюдать и при статичном указании на место.

(26) *Ja pa grem na misu, slušam.* = *u crikvu* ‘в церковь’ (АК вин. ед. ж. направление)
‘И я хожу на мессу, слушаю.’

Хотя образование формы на *-o* ограничивается относительно немногими существительными, ее тем не менее можно встретить и у заимствованных существительных, как показывает пример с *jurnata* ‘рабочий день, день’ (ср. итал. *giornata*) в (27), опять с отчетливым абстрагированием от конкретного значения.

(27) *Nam dojaše nami na-jurnato.* (o- ед. ж. адв.)
‘Он [нам] пришел к нам на поденную зарплату.’ Дословно: «на день»

К формам на *-o* относится в Монтемитро также адвербиальное обозначение языка *na-našo* ‘молиско-славянский’ в (28), которое — как и выше описанную общепринятую в АК и СФ форму *na-našu* — можно понять как эллиптическую редукцию с утраченным существительным ж. рода *manera* ‘способ’.

(28) *Man-man su divendal ove tri grada ke govorimo na-našo.*
‘Постепенно стали эти три села, где мы говорим по-молиско-славянски.’

Наконец, имеется еще одна сложность, как видно из синонимичной пары конструкций с существительным ж. рода *zemblja* ‘земля’ без

определения, но, тем не менее, с управлением винительным падежом во втором случае в (29).¹⁹

(29) *Dajem vodu na zemblj.* (*местн. / дат. ед. ж. направление) = *Dajem vodu u-zemblju.* (вин. ед.)

‘Я даю (=лью) воду на землю.’

Поиски причины этой особенности натолкнули на характерное свойство конечного звука *lj* [ʎ], а именно на его палатальную артикуляцию, свидетельствующую об изначальной принадлежности к «мягкому» *ja*-склонению. Интересно, что в ММ ни у одного существительного ж. рода с мягкой основой не было выявлено формы на *-o*, а наоборот, ни у одного существительного ж. рода (без определения) с твердой основой – управления винительным падежом. Это значит, по всей вероятности, что окончание *-u* винительного падежа у мягкой основы соответствует как раз окончанию *-o* у твердых основ.

3-3-3. Множественное число обоих родов

Во множественном числе мы вновь имеем более простую картину. Как и в обоих других говорах, указание места и направления (с определением или без) также регулярно требует здесь винительного падежа, как, напр., в (30).

(30а) *E jimaše crno sve ode, na ruke oš pur na noge!* (вин. мн. место)

‘И у него здесь все было черное, на руках и также на ногах!’

(30б) *Ti čini joj ga držat, daj joj ga u ruke!* (вин. мн. направление)

‘Ты дай ей держать его (= ребенка), дай ей его в руки!’

(30в) *Sve žito ke biše na sve larga, se ponesāše na jenu banu.* (вин. мн. атриб. место)

‘Вся пшеница, которая была на всех полях, сносила на одну сторону.’

Фразеологические пережитки во мн. числе также не отличаются от других говоров. И здесь возникает формально совпадающее с дательным падежом и перенесенное на бывший местный падеж окончание *-ami*.

¹⁹ Адвербиальная конструкция *u-zemblju* соответствует в Аквавиве вариантам *uzamlju* и *uzljatu*, подвергшимся слиянию вследствие аканья и метатезы. Но винительный падеж здесь объясняется, конечно, общим правилом этого говора.

(31a) *Se ženjaše na-rukami.* (*местн. / дат. мн. адв.)

‘Косили рукой.’ Дословно: «Косилось на руках»

(31b) *Ke jijaše na-nogami Lakručeta vazet poštu.* (*местн. / дат. мн. адв.)

‘Потому что он (обычно) шел пешком к Лакручете, (чтобы) забрать почту.’

3-3-4. Обзор форм управления предлогов и *na* в Монтемитро

Морфологические характеристики падежей, важных для обсуждения области «локатива», вновь представлены в виде обзорной таблицы. При этом, запутанность в говоре Монтемитро правил управления предлогов *na* и *u*, с формальным чередованием между существительными ед. ж. рода без определения, с одной стороны, и существительными ед. м. рода, существительными ед. ж. рода с определением и множественным числом в целом — с другой, требует добавления дополнительного падежа, по сравнению с Аквавивой и Сан Феличе. Для сравнения он будет и далее условно обозначаться как «локатив» (в кавычках), причем не следует упускать из виду, что он и в ММ как раз не служит для выражения отличия статичного места от направления. К этому «локативу» можно отнести непродуктивное окончание *-o*, не совпадающее ни с одним другим падежом, и, может быть, окончание *-u* в адвербиальных конструкциях образованных на основе существительных ж. рода мягкого класса без определения.

В целом, включая адвербиальные конструкции, выделяются три различные формы управления предлогов *u* и *na* в ед. числе ж. рода, в то время как мн. число и ед. число м. рода обходятся двумя чередующимися формами:

	ед.число м. рода	ед.число ж. рода	мн.число всех родов
дат.	<i>gradu, putu, grlu</i>	<i>mis, ruk</i>	<i>gradi, puti, grli, misami, rukami</i>
вин.	<i>grad, grlo</i>	<i>misu, ruku</i>	<i>grada, pute, grla, mise, ruke</i>
«лок.»	<i>na-puto</i>	<i>na-miso, u-zemlju</i>	<i>na-rukami</i> (=дат.)
= дат.	—	<i>na ruk</i>	—
= вин.	<i>na (naš) grad, grlo, put</i>	<i>na moju ruku</i>	<i>na grada, pute, grla, mise, ruke</i>

Таблица 3: Опозиции падежей в Монтемитро

4. Диахроническое развитие современных конструкций «локатива»

На диахроническом плане необходимо описать два различных процесса развития управления предлогов *u* и *na* в молизско-славянском языке:²⁰ с одной стороны, возникновение самих диалектных различий, а, с другой — возникновение сложного управления в Монтемитро. Важную роль при этом, вне всяких сомнений, играет обусловленная языковым контактом потеря различия между определением места и направления. Однако она, разумеется, не является непосредственной причиной различного развития в говорах, поскольку характерна для них всех.

4-1. Диахронические этапы доминирования винительного падежа в трех говорах

На основе современного положения дел в трех говорах МСЯ можно предположить, что формы винительного падежа сначала вторглись на территорию существительных мужского рода ед. числа и всего мн. числа. Тот факт, что существительные женского рода в говоре ММ оставались стабильно при своем исходном окончании бывшего местного падежа \emptyset ($< -i$), можно, с одной стороны, объяснить исконной омонимией местного и дательного падежа, а, с другой стороны, самой нулевой формой, которая совпадает с формой вин. падежа м. рода. Таким образом, образовалось единое для всех родов нулевое окончание в качестве формы управления предлогов *u* и *na*, которое мы называем здесь «локативом», в ед. числе в целом, независимо от рода, ср. *na rik* \emptyset («лок.» = дат. ед. ж.) и *na grad* \emptyset («лок.» = вин. ед. м.).

Затем окончание винительного падежа, по всей вероятности, распространилось на атрибуты, перейдя из м. рода также на ж. род. Естественно следствием этого стало то, что и существительные женского рода, имеющие определение, тоже переняли окончание

²⁰ Необходимо добавить, что эти процессы касаются не только *u* и *na*, но также и предлоги *po* и *niz*, вторично присоединяющиеся к ним по правилам управления и адвербиализации. Об этом и, в особенности также о специфических правилах говора ММ, ср. Breu (2008a: 86–89).

винительного падежа.²¹ Последним шагом развития являлся полное доминирование винительного падежа и у ж. существительных без определения, достигнутое в АК и в особенности в СФ. В последнем говоре окончание дательного (и бывшего местного) *-i* ведь тоже отличается от *-u* винительного,²² точно так же как в ММ, но все-таки предлоги *-u* и *-na* им никогда не управляют.

Итак, из данных современных говоров молизско-славянского, можно реконструировать диахроническое протекание доминирования винительного падежа в области «локатива» существительных, резюмированное в трех правилах в таблице 4.²³

- (А) Совпадение указаний место и направления в управлении предлогов *-u*, *-na* = «**ЛОКАТИВ**»
- (Б) «**ЛОКАТИВ**» \Rightarrow **ВИНИТЕЛЬНЫЙ**, хронология: м. род = мн. ч. < ед. ж. атриб. < ед. ж. род
- (В) **ДАТЕЛЬНЫЙ / МЕСТНЫЙ** \Rightarrow **ВИНИТЕЛЬНЫЙ**: только в ж. роде ед. ч. в говоре АК

Таблица 4: Протекание доминирования винительного падежа в области «локатива»

21 Текстовый пример одной пожилой носительницы языка подтверждает состояние, при котором определение ж. рода уже употребляется с окончанием *-u* винительного падежа, а сочетающееся с ним существительное все еще имеет нулевое окончание: *Se dola u hižŌ* («лок.» = дат.) *novu* («лок.» = вин.). ‘Я пришла в новый дом’. Она настаивала на правильности этой формы, но допускала и возможность конструкции *u hižu novu* с формой винительного на *-u* у существительного.

22 В более подробном разборе в Breu (2008a) немаловажную роль играет еще и тот факт, что в СФ иногда можно услышать также окончание *-u* винительного падежа в дательном как вариант первоначального *-i*. Результаты новейших исследований текстов этого, находящегося под сильной угрозой вымирания говора, однако, показывают, что такие случаи очень редки и являются, может быть, адаптацией к говору жителей этой деревни, происходящих из АК. Во всяком случае ясно, что «локатив» СФ обладает полным замещением окончаний бывшего местного окончаниями винительного падежа, независимо от того совпадает ли вин. падеж с дат. или нет.

23 В этих правилах знак < употребляется в смысле «до», а стрелка \Rightarrow обозначает «форма *x* заменяется формой *y*».

Исходной причиной всеобщего развития является, конечно, полное совпадение указания местоположения и направления согласно правилу (А), которое наблюдается во всех трех говорах, независимо от конкретного падежа, который его выражает. Оно действительно даже во всех адвербиализованных конструкциях, сохранивших более непродуктивные формы бывшего местного падежа.

Говор ММ остановился на предпоследней ступени хронологии (Б), в то время как говор СФ прошел все ее этапы. В принципе, «локатив» говора АК показывает его полное совпадение с винительным падежом точно так же, как говор СФ, но нельзя забывать, что это, может быть, только вторичный эффект морфологического совпадения (В) дательного с винительным падежом, распространенного также и вне области «локатива». Проблема, на первый взгляд, в том, что временная реализация правила (В) относительно ступеней хронологии (Б) нам неизвестна.

Но различные результаты развития «локатива» в трех говорах можно также объяснить тем, что на предпоследней ступени правила (Б), на котором ММ остановился, СФ и АК выбрали разные решения типологической проблемы, что форма падежа (или тип синкретизма) зависела от того, было ли у существительного ж. рода определение или нет. СФ выбрал решение дальнейшего распространения окончания винительного в «локативе» в смысле последнего этапа правила (Б), в то время как АК заменил окончание дательного падежа винительным и таким образом «автоматически» решил и проблему особенной формы «локатива». В этом случае правило (В) осуществилось немедленно до последней ступени правила (Б), которая, следовательно, для говора АК больше не была нужна.

4-2. Возникновение окончания -о «локатива» в Монтемитро

Осталась еще задача объяснить возникновение окончания -о в реликтовых фразеологических формах говора Монтемитро. Ввиду адвербиального характера большинства из этих непродуктивных образований, происхождение окончания следует искать именно в области наречия.

Наряду с второстепенным адвербиальным сочетанием *na-našo* для обозначения языка, существует другое однозначно адвербиаль-

ное новообразование без существительного в форме отыменного производного *na-vrho* ‘наверху’, дословно «на вершине» от существительного мужского рода *vrh*; ср. пример (32). Эта форма используется также в качестве эквивалента предлога ‘на’. В Аквавиве ей соответствует *na-vrhu*, с сохранением исходной формы местного падежа, в синхронном рассмотрении, как уже было упомянуто, интерпретируемой как дательный падеж.

(32) *One jimaju na čerkj do gozja okolo na-vrho.*
 ‘У них железное кольцо вокруг наверху.’

В поисках основания для принятия такими образованиями окончания *-o*, мы сразу наталкиваемся на образованные от прилагательных наречия, которые также обладают формой на *-o*, что соответствует историческому среднему роду «неопределенной» краткой формы прилагательного, к примеру, *dobro, grubo* и др. Эти распространенные в языке формы могли послужить моделью для второстепенных образований *na-vrho*, а также впоследствии и для других фразеологических образований типа *na-našo, u-glavo, na-miso*.

И все же непосредственный переход окончания наречия в систему словоизменения существительного вряд ли возможен, даже если речь идет о непродуктивном подклассе. Здесь отсутствует связующее звено из области словоизменения существительного. Итак, как можно объяснить окончание *-o* в *na vrho*?

При подробном анализе системы склонения МСЯ обнаруживается, что окончание *-o* в действительности существует, а именно, у существительных бывшего ср., а теперь м. рода, в винительном падеже, т.е. как раз в том падеже, который у существительных м. рода перенял и функцию местного падежа. Итак, в часто встречающихся сочетаниях существительных исконного м. рода с существительными бывшего ср. рода, должно быть, и состоялся перенос формы с функцией наречия, как, напр., у *na-vrho* в (33), учитывая упомянутый факт, что окончание *-o* также используется и в самих наречиях.

Поэтому в таких сочетаниях, как в (33а), адвербиальное выражение *na-vrhu* приняло форму *na-vrho*, хотя вследствие доминирования окончания винительного падежа оно должно было бы принять форму *na-vrh*, а именно, под влиянием антонима *na-dno*,

который, как относящийся первоначально к среднему роду, в винительном падеже всегда имел окончание *-o*. В (33б) мы наблюдаем схожий перенос под влиянием конструкции *na-brdo*, синонимичной *na-vrh(u)*, с существительным исконного ср. рода *brdo*, также ставшим существительным м. рода:

(33а) *Kjapahu na-dno* (*dno* м. *ср.), *jizajahu na-vrho* (< *na vrh(u)*)

‘Они начинали снизу, а выходили сверху.’

(33б) *Biše gor na-vrho* (< *na vrh(u)*), *na-brdo* (*brdo* м. *ср.), *prva hiža*.

‘Это было вверх на вершине, на горе, первый дом.’

Если для существительных ср. рода форма на *-o* в «локативе», вследствие доминирования форм винительного падежа, совершенно естественна, то в м. роде, который вместе с бывшим ср. родом образует в МСЯ единый родовой класс, форма на *-o* появляется там, где ввиду адвербиального значения конструкции существующие наречия с их окончанием *-o* способствуют такому развитию.²⁴

Особенно важно то, что в Монтемитро (и только здесь) окончание *-o* в винительном падеже имеется не только у существительных исконного ср. рода, но и у многих интегрированных с таким же окончанием итальянских заимствований м. рода, ср. *tetto* → *tito* ‘крыша’ (АК *tit*), *gallo* → *galo* ‘петух’ (АК *pivac*) или *largo* ‘ширина’ → *largo* ‘поле’ (АК *larg* ‘ширина’). Таким образом, позиция окончания *-o* в вин. падеже м. рода (и одновременно в «локативе») еще более укрепилась.

После внедрения формы на *-o* в класс существительных м. рода у адвербиальных конструкций типа *na-sfito*, *na-puto* это окончание смогло распространиться и на существительные ж. рода со схожей адвербиальной функцией. Произошло это, как только появилась какая-то тенденция к изменению изначального нулевого окончания «локатива», по всей вероятности вследствие совпадения

²⁴ Помимо основных наречий необходимо принимать в расчет и изолированные предложные обороты, в которых лежащее в основе, более несуществующее в МСЯ существительное до своей утраты еще успело подвергнуться доминированию винительного падежа в «локативе», напр., *na-vidilo* ‘видимый, на свету / на свет’, ср. в хорватском *na vidjelu* ≠ *na vidjelo*.

«локатива» регулярных существительных ж. рода с определениями с винительным падежом. Итак, во фразеологических предложных оборотах стало употребляться не окончание винительного падежа *-u*, а именно окончание *-o*, свойственное наречиям, как в *na-miso*, *na-vodo*, где происходит абстрагирование от конкретного значения ‘богослужения’ или ‘воды’, в противоположность первоначальным конструкциям *u vod* или *na crkv*, без наречного значения, в которых остается синкретизм «локатива» с дательным падежом.

В сочетании с мягкой основой перенос окончания среднего рода *-o* в адвербиальном значении, по-видимому, не осуществился. Как было показано выше, в адвербиальной области здесь появляется окончание *-u* винительного падежа, также и у существительных ж. рода без определения, ср. *na-zemblju*. И для этого ограничения распространения окончания *-o* имеется четкое обоснование, вновь касающееся ср. рода. В говоре Монтемитро, где нет аканья, окончание *-o* у существительных ср. рода с твердой основой и окончание *-e* у существительных с мягкой основой четко различаются между собой. Поскольку только окончание *-o* было типичным для наречий, соответствующий перенос окончания *-e* на существительные с мягкой основой исключался.

Следует подчеркнуть, что окончание *-o* в роли маркера адвербиализации, опирающегося на средний род, было возможно только в Монтемитро, так как только здесь безударное *o* полностью сохранило свое звуковое качество, в то время как в обоих других говорах звуковая оппозиция *a* и *o* вследствие аканья стерлась. Многофункциональное окончание *-a* в АК и СФ, в противоположность четко ограниченному *-o* в Монтемитро, конечно, не могло послужить основой для особой морфологической функции,²⁵ что исключило развитие «локатива» на *-o* в этих говорах.

25 С другой стороны, в АК аканье повлияло на переход некоторых прежних существительных ср. рода в ж. род, между тем как в Монтемитро все эти существительные без исключения перешли в м. род, к примеру, *ova neba* АК: *ovi nebo* ММ ‘это небо’, *ova sreba* АК: *ovi srebro* ММ ‘это серебро’; ср. Брой (2013: 94–99).

5. Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что главным образом вследствие вызванного языковым контактом совпадения указания места и направления и ряда морфологических правил в системе падежей возникли изменения, касающиеся первоначального местного падежа молизско-славянского микроязыка. Из-за различий в последовательности внедрения этих морфологических правил «локатив» говора Монтемитро стал заметно отличаться от обоих других говоров, где он полностью совпал с винительным падежом. В особенности следует обратить внимание и на то, что с типологической точки зрения зависимость управляемого падежа существительного (ж. рода) от наличия определения, которая существует в говоре Монтемитро, весьма необычна.

Предлоги *u* и *na*, тесно связанные с этим дифференцированием, и вне адвербиальных конструкций в значительной степени утратили свою продуктивность. Старые предлоги постепенно замещаются локальными наречиями, которые управляют родительным падежом, за единственным исключением *unutra~utra* ‘в, внутрь’, управляющего (по крайней мере в Аквавиве) винительным падежом. Особенно стабильными предлоги *u* и *na* являются при указаниях на населенные пункты и другие топонимы, где они своеобразным образом чередуются друг с другом, а также с беспредложными вариантами, напр. *na Tavalu* АК, *na Tavel* (ММ) ‘в Тавенне / в Тавенну’, *u Guašt* ‘в Васто (место и направление)’, *Ø Kambavaš* АК, *Ø Kambovaš* (ММ) ‘в Кампобассо (место и направление)’; ср. Breu (1993: 36–38) и Sammartino (2004: 131–132). В Монтемитро, кроме того, можно встретить прямое заимствование итальянского предлога *a*, напр., *a Pescara* ‘в Пескаре, в Пескару’.

Кроме того, для обозначения места, с указанием направления или без него, закрепился, вызванный влиянием местного романского диалекта продуктивный способ выражения с вопросительным местоимением *di* ‘где’ + им. падеж, напр. *di bar* ‘в баре / в бар’; ср. Breu (1993: 38–39). Ввиду описанных обстоятельств «локатив», как важный критерий внутреннего дифференцирования молизско-славянских говоров, может полностью исчезнуть, возможно, за исключением реликтовых форм, употребляемых в функции наречия.

Библиография

- Брой 2013 – В. Брой. Языковой контакт как причина перестройки категорий рода и склонения в молисско-славянском языке. В: Вяч. Вс. Иванов (ред.). *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов)*. Санкт-Петербург: Алетейя, 81–112.
- Брой 2014 – В. Брой. Функции настоящего и имперфекта совершенного вида и перфекта несовершенного вида в молисско-славянском микроязыке. *Scando-Slavica* 60, 2, 321–350.
- Дуличенко 2003 – А. Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. I. Образцы текстов*. Тарту: Издательство тартуского университета.
- Adamou – Breu – Drettas – Scholze 2013 – E. Adamou, W. Breu, G. Drettas, L. Scholze. *Base de données électronique de variétés slaves menacées dans des pays européens non slavophones*: <http://lacito.vjf.cnrs.fr/archivage/index.htm#europe>
- Breu 1993 – W. Breu. Verben der Fortbewegung im Italokroatischen in vergleichender Sicht (Morphologie, Funktionen, Entlehnungen, Rektion). In: S. Kempgen (ed.). *Slavistische Linguistik 1992*. München: Otto Sagner, 9–41.
- Breu 1999 – W. Breu. Phonologie und Verbkonjugation im Moliseslavischen. In: R. Rathmayr, W. Weitlaner (eds.). *Slavistische Linguistik 1998*. München: Otto Sagner, 47–76.
- Breu 2008a – W. Breu. Der slavische Lokativ im Sprachkontakt. Ein Beitrag zur Binnendifferenzierung des Moliseslavischen. In: P. Kosta, D. Weiss (eds.). *Slavistische Linguistik 2006/2007*. München: Otto Sagner, 59–102.
- Breu 2008b – W. Breu. Развитие систем артиклей при полном контакте славянских меньшинств с немецким и итальянским языками. In: S. Kempgen et al. (eds.). *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008*. München: Otto Sagner, 75–88.
- Breu 2009 – W. Breu. La comparazione nello slavomolisano. Un risultato tipico del contatto linguistico assoluto. In: P. Desideri et al. (eds.). *Alloglossie e comunità alloglotte nell'Italia contemporanea. Teorie, applicazioni e descrizioni, prospettive*. Roma: Bulzoni, 9–36.
- Breu 2017a – W. Breu. *Slavische Mikrosprachen im absoluten Sprachkontakt. Band I. Moliseslavische Texte aus Acquaviva Collecroce, Montemitro und San Felice del Molise*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz.

- Breu 2017b – W. Breu. Neues aus Süditalien: Das Moliseslavische auf dem Weg zur Mikroliteratursprache? In: K. Hanshew, S. Koller, Ch. Prunitsch (eds.). *Texte prägen. Festschrift für Walter Koschmal*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 201–224.
- Breu 2018 – W. Breu. Die Moliseslaven und ihre Sprache zwischen Sprachkontakt und Verschriftlichung. In: A. A. Kretschmer, G. Neweklowsky, S. Newerkla, F. Poljakov (eds.). *Mehrheiten – Minderheiten. Sprachliche und kulturelle Identitäten der Slavia im Wandel der Zeit* (= *Philologica Slavia Vindobonensia* 4). Berlin: Peter Lang, 37–58.
- Breu в печати – W. Breu. Morphosyntactic Change in Slavic Micro-languages: the Case of Molise Slavic. In: A. Danylenko, M. Nomachi (eds.). *Slavic on the Language Map of Europe: Historical and Areal-Typological Dimensions*. Berlin: de Gruyter.
- Breu – Piccoli 2000 – W. Breu, G. Piccoli. *Dizionario croato molisano di Acquaviva Collecroce*. Campobasso: Naš Grad.
- Breu – Piccoli 2011/2012 – W. Breu, G. Piccoli. *Südslavisch unter romanischem Dach. Die Moliseslaven in Geschichte und Gegenwart im Spiegel ihrer Sprache. Teil I. Texte gesprochener Sprache aus Acquaviva Collecroce. 2011 / Teil II. Texte gesprochener Sprache aus Montemitro und San Felice del Molise*. München: Otto Sagner.
- Ivić 1958 – P. Ivić. *Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. Erster Band*. The Hague: Mouton & Co.
- Piccoli – Sammartino 2000 – A. Piccoli, A. Sammartino. *Dizionario dell'idioma croato-molisano di Montemitro*. Montemitro: Fondazione „Agostina Piccoli“.
- Rešetar 1907 – M. Rešetar. *Der štokavische Dialekt*. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Rešetar 1911 – M. Rešetar. *Die serbokroatischen Kolonien Süditaliens*. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Sammartino 2004 – A. Sammartino. *Grammatica della lingua croatomolisana*. Montemitro: Fondazione „Agostina Piccoli“.
- Scholze 2008 – L. Scholze. *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt*. Bautzen: Domowina-Verlag.
- Svane 1958 – G. O. Svane. *Die Flexionen in štokavischen Texten aus dem Zeitraum 1350–1400 (Sprachgeschichtliche Untersuchungen über älteres Serbokroatisch)*. Aarhus: Universitetsforlaget i Aarhus.
- Zima 1887– L. Zima. *Njekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.